

И. С. Аксаков.

Федор Иванович Тютчев

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Сканировал и проверил **Илья Франк** для проекта [Русская Европа](#).

Небольшая книжка стихотворений; несколько статей по вопросам современной истории; стихотворения, из которых только очень немногим досталась на долю всеобщая известность; статьи, которые все были писаны по-французски, лет двадцать, даже тридцать тому назад, печатались где-то за границей и только недавно, вместе с переводом, стали появляться в одном из наших журналов... Вот откуда все, что может русская библиография занести в свой точный **синодик** под рубрику: "Ф. И. Тютчев, род. 1803+1873 г.". Литературный послужной список не объемист; имя малознаемое в массах грамотной - и не только грамотной, даже образованной нашей публики... А между тем этим самым стихотворениям, еще с начала пятидесятих годов, отводится русской критикой место чуть не на ряду с пушкинскими; это самое имя, в течение целой четверти века, во всех светских и литературных кругах Москвы и Петербурга читится и славится, знаменуя собою мысль, поэзию, остроумие в самом изящном соединении. Странное противоречие, не правда ли? Как объяснить этот недостаток популярности при несомненном общественном значении? эту несоразмерность внешнего объема литературной деятельности с обнаруженной автором силой дарований?.. Но и здесь еще не конец недоумениям, нередко возбуждаемым именем Тютчева. Ко всем единодушным отзывам нашей периодической печати об его уме и таланте, раздавшимся вслед за его кончиной вместе с выражениями искренней скорби, мы позволим себе прибавить еще и свой: Тютчев был не только самообытный, глубокий мыслитель, не только своеобразный, истинный художник-поэт, но и один из малого числа носителей, даже двигателей нашего русского, народного самосознания.

"Как? - скажут многие, встречавшие Тютчева на петербургских балах и раутах - этот почти - иностранец, едва ли когда говоривший иначе как по-французски; это, по-видимому, чистокровное порождение европеизма, без всякого на себе клейма какой-либо национальности, - Тютчев, в котором все, до последнего сустава и нерва, дышало прелестью высшей, всесторонней, нерусской культуры, Тютчев - один из представителей русской народности?!.. Трудно мирится такое тяжеловесное предположение с грациозным образом этого очаровательно-умного, но вполне светского собеседника. Можно ли, позволительно ли возводить его чуть не на степень серьезного общественного деятеля?.."

Он и не деятель и в общепринятом смысле этого слова. Он просто - явление, явление общественное и личное, в высшей степени замечательное и любопытное для изучения. Его деятельность почти непосредственная, сливается с самим его бытием. Вполне естественны, вполне понятны для нас все помянутые выше недоумения. Именно в виду их мы и считаем нужным представить читателям не одну общую оценку литературных останков покойного Тютчева (что отчасти уже было сделано и другими), но самую судьбу, личную и внутреннюю, этого русского таланта. Участь талантов у нас на Руси - вообще предмет высокого интереса и важности для истории русского просвещения, тем более, когда дело идет о таком богатстве даров, каким был наделен Тютчев... Проследить, по возможности, самое развитие этой многоодаренной природы, - соотношение ее особенных психических условий с условиями бытовыми, общественными, историческими; ту взаимную их связь и зависимость, которая создала, определила и ограничила ее жизненный жребий - вот задача, которую мы постараемся разрешить, насколько сумеем, в нашем биографическом очерке.

Первой биографической чертой в жизни Тютчева, и очень характерной, сразу бросающейся в глаза, представляется невозможность составить его полную, подробную биографию. Для большинства писателей, - как бы умеренно они себя ни ценили, - потомство, по выражению Чичикова, все же "чувствительный предмет". Многие, еще при жизни, заранее облегчают труд своих будущих биографов подбором материалов, подготовлением объяснительных записок. Тютчев - наоборот. Он не только не хлопотал никогда о славе между потомками, но не дорожил ею и между современниками; не только не помышлял о своем будущем жизнеописании, но даже ни разу не позаботился о составлении